

Варлам Шаламов

«Сучья» война

ФТМ

Варлам Шаламов
«Сучья» война

«ФТМ»

1959

Шаламов В. Т.

«Сучья» война / В. Т. Шаламов — «ФТМ», 1959

В авторский сборник «Очерки преступного мира» вошли рассказы о реальной колымской жизни: о людях, характерах, правилах и законах. Варлам Шаламов представил целую галерею характеров «героев» преступного мира.

© Шаламов В. Т., 1959

© ФТМ, 1959

Варлам Шаламов «Сучья» война

Дежурного врача вызвали в приемный покой. На свежевывмытых, чуть синеватых, выскобленных ножом досках пола корчилось загорелое татуированное тело – раздетый санитарями догола раненый человек. Кровь пачкала пол, и дежурный врач злорадно усмехнулся – отчистить будет трудно; врач радовался всему плохому, что приходилось встретить и видеть. Над раненым склонились два человека в белых халатах: фельдшер приемного покоя, держащий лоток с перевязочным материалом, и лейтенант из спецчасти с бумагой в руке.

Врач сразу понял, что у раненого нет документов и лейтенант спецчасти хочет получить хоть какие-либо сведения о раненом.

Раны были еще свежи, некоторые кровоточили. Ран было много – больше десятка крошечных ран. Человека недавно били маленьким ножом, или гвоздем, или чем-нибудь еще.

Врач вспомнил, как в прошлое его дежурство две недели назад была убита продавщица магазина, убита в своей комнате, задавлена подушкой. Убийца не успел уйти незаметно, поднялся шум, и убийца, обнажив кинжал, выскочил в морозный туман улицы. Пробегая мимо магазина, мимо очереди, убийца воткнул кинжал последнему в очереди в ягодицу – из хулиганства, из черт знает чего...

Но сейчас было что-то другое. Движения раненого становились менее порывистыми, щеки бледнели. Врач понимал, что тут дело в каком-то внутреннем кровотечении – ведь на животе тоже были маленькие, тревожные, не кровоточащие раны. Раны могли быть внутри, в кишечнике, в печени...

Но врач не решался вмешаться в священнодействие службы учета. Нужно было добыть во что бы то ни стало «установочные данные» – фамилию, имя, отчество, статью, срок – получить ответ на вопросы, которые задаются каждому заключенному десять раз на день – на поверках, разводах...

Раненый что-то отвечал, и лейтенант торопливо записывал сообщенное на клочке бумаги. Уже известны были и фамилия, и статья – пятьдесят восемь, пункт четырнадцать... Оставался самый главный вопрос, ответа на который и ждали все – и лейтенант, и фельдшер приемного покоя, и дежурный врач...

– Ты кто? Кто? – встав на колени около раненого, взволнованно зывал лейтенант.

– Кто?

И раненый понял вопрос. Веки его дрогнули, раздвинулись искусанные, запекшиеся губы, и раненый выдохнул протяжно:

– Су-у-ка...

И потерял сознание.

– Сука! – восхищенно крикнул лейтенант, вставая и отряхивая рукой колени.

– Сука! Сука! – радостно повторял фельдшер.

– В седьмую его, в седьмую хирургическую! – засуетился врач. Можно было приступить к перевязке. Седьмая палата была «сучья».

Много лет после того, как кончилась война, в уголовном мире – на дне человеческого моря еще не отшумели подводные кровавые волны. Волны эти были следствием войны – удивительным, непредвиденным следствием. Никто – ни седовласые уголовные юристы, ни ветераны тюремной администрации, ни многоопытные лагерные начальники не могли предвидеть, что война разделит уголовный мир на две враждебных друг другу группы.

Во время войны сидевшие в тюрьмах преступники, в том числе и многочисленные воры – рецидивисты, «урки», были взяты в армию, направлены на фронт, в маршевые роты. Армия Рокоссовского приобрела известность и популярность именно наличием в ней уго-

ловного элемента. Из уркаганов выходили лихие разведчики, смелые партизаны. Природная склонность к риску, решительность и наглость делали из них ценных солдат. На мародерство, на стремление пограбить смотрели сквозь пальцы. Правда, окончательный штурм Берлина не был доверен этим частям. Армия Рокоссовского была нацелена в другое место, а в Тиргартен двинулись кадровые части маршала Конева – полки наиболее чистой пролетарской крови.

Писатель Вершигора в «Людах с чистой совестью» уверяет нас, что знает Воронько – уркача, из коего вышел добрый партизан (как в книжках Макаренко).

Словом, уголовники из тюрем уходили на фронт, воевали там – кто хорошо, кто худо... Настал день Победы, герои-уркачи демобилизовались и вернулись к мирным занятиям.

Вскоре советские суды послевоенного времени встретились на своих заседаниях со старыми знакомыми. Оказалось – и это-то предвидеть было нетрудно, что рецидивисты, «уркаганы», «воры», «люди», «преступный мир» и не думают прекращать дела, которое до войны давало им средства к существованию, творческое волнение, минуты подлинного вдохновения, а также положение в «обществе».

Бандиты вернулись к убийствам, «медвежатники» – к взломам несгораемых шкафов, карманники – к исследованиям чердаков на «лепёхах», «скокари» – к квартирным кражам.

Война скорее укрепила в них наглость, бесчеловечность, чем научила чему-либо доброму. На убийство они стали смотреть еще легче, еще проще, чем до войны.

Государство пыталось организовать борьбу с возрастающей преступностью. Явились Указы 1947 года «Об охране социалистической собственности» и «Об охране личного имущества граждан». По этим Указам незначительная кража, за которую вор расплачивался несколькими месяцами заключения, теперь каралась 20 годами.

Воров, бывших участников Отечественной войны, стали десятками тысяч грузить на пароходы и поезда и под строжайшим конвоем отправлять в многочисленные трудовые лагеря, деятельность которых ни на минуту не замирала во время войны. Лагерь к тому времени было очень много. Севлаг, Севвостлаг, Севзаплаг, в каждой области, на каждой большой или маленькой стройке были лагерные отделения. Наряду с карликовыми управлениями, едва превышавшими тысячу человек, были и лагеря-гиганты с населением в годы их расцвета по несколько сот тысяч человек: Бамлаг, Тайшетлаг, Дмитлаг, Темники, Караганда...

Лагеря стали быстро наполняться уголовщиной. С особым вниманием комплектовались два больших отдаленных лагеря – Колыма и Воркута. Суровая природа Крайнего Севера, вечная мерзлота, восьми-, девятимесячная зима в сочетании с целеустремленным режимом создавали удобные условия для ликвидации уголовщины. Опыт, произведенный Сталиным над «троцкистами» в 1938 году, увенчался полным успехом и был всем хорошо памятен.

На Колыму и Воркуту стали приходить эшелон за эшелоном осужденных по Указам 1947 года. Хотя в трудовом отношении блатные были малоценным материалом и вряд ли были особенно пригодны для колонизации края, зато бежать с Крайнего Севера было почти невозможно. Стало быть, задача изоляции разрешалась надежно. Кстати, эти географические особенности Крайнего Севера были на Колыме причиной появления особой категории беглецов (красочный блатной термин – «ушедшие во льды»), которые никуда, по сути дела, не бежали, а прятались около трассы автомобильной дороги в две тысячи километров длинной, грабя проезжающие машины. В главную вину этим беглецам ставились не побег сам по себе и не разбой на большой дороге. Юристы видели в побеге уклонение от работы и трактовали эти побегии как контрреволюционный саботаж, как отказ от работы – главное лагерное преступление. Соединенными усилиями юристов и мыслителей из лагерной администрации

уголовный рецидив наконец был кое-как втиснут в рамки самой страшной, пятьдесят восьмой статьи.

Каков катехизис вора? Вор, член преступного мира, – это определение – «преступный мир» принадлежит самим ворами, – должен воровать, обманывать «фраеров», пить, гулять, играть в карты, не работать, участвовать в «правилках», то есть в «судах чести». Тюрьма для вора хоть и не родной дом, не какие-нибудь «хаза», или «малина», или «шалман», но место, где вор вынужден проводить большую часть своей жизни. Из этого следует важный вывод, что в тюрьме блатные должны обеспечить себе – силой, хитростью, наглостью, обманом – неофициальные, но важные права, вроде права на дележ чужих передач или чужих вещей, вроде права на лучшее место, на лучшую пищу и т. д. Практически это достигается всегда, если в камере есть несколько воров. Именно они-то и приобретают все, что можно приобрести в тюрьме. Эти «традиции» позволяют вору жить лучше других в тюрьме и лагере.

Небольшой срок заключения, частые амнистии давали ворами возможность без особенных забот провести время заключения, не работая. Работали, и то время от времени, только специалисты – слесари, механики. Ни один вор не работал на «черной» работе. Лучше он просидит в карцере, в лагерном изоляторе...

Указ 1947 года с его двадцатилетним сроком за незначительные преступления поновому поставил перед ворами проблему «занятости». Если вор мог надеяться, не работая, пробыться правдами и неправдами несколько месяцев или год-два, как раньше, то теперь надо было фактически всю жизнь проводить в заключении или полжизни, по крайней мере. А жизнь вора – короткая. «Паханов» – стариков среди «урок» мало. Воры долго не живут. Смертность среди воров значительно выше средней смертности в стране.

Указ 1947 года поставил перед «преступным миром» серьезные проблемы, и лучшие блатные умы напряженно искали надежного решения вопроса.

По воровскому закону, вор не должен в заключении занимать какие-либо административные лагерные должности, выполнение которых вверяется заключенным. Ни нарядчиком, ни старостой, ни десятником вор не имеет права быть. Этим он как бы вступает в ряды тех, с кем вор всю жизнь находится во вражде. Вор, занявший такую административную должность, перестает быть воровым и объявляется «сукой», «ссучившимся», объявляется вне закона, и любой блатной сочтет честью для себя зарезать при удобном случае такого ренегата.

Щепетильность преступного мира в этом вопросе очень велика, правоверные толкования некоторых сложных дел напоминают тонкую и извилистую логику Талмуда.

Пример: вор идет мимо вахты. Дежурный надзиратель кричит ему: «Эй, ударь, пожалуйста, в рельс, позвони, мимо идешь...» Если вор ударит в рельс – сигнал побудок и проверка, – он уже нарушил закон, «подсучился».

«Правилки» или «суды чести», где «качают права», и заняты главным образом рассмотрением дел и провинностей, связанных именно с изменой своему знамени, и «юридическим» толкованием того или иного подозрительного поступка. Виновен или невиновен? Утвердительный ответ «судов чести» влечет обычно и почти немедленно – кровавую расправу. Убивают, конечно, не судьи, убивает воровская молодежь. Главари всегда считали, что такие «акты» полезны для молодого вора: он приобретает опыт, закаляется...

На пароходах и поездах в Магадан и в Усть-Цильму стали прибывать осужденные после войны воры. «Военщина» – такое они получили название впоследствии. Все они участвовали в войне и не были бы осуждены, если бы не совершили новых преступлений. Увы, таких, как Воронько, было очень и очень мало. Огромное же, подавляющее большинство воров вернулось к своей профессии. Строго говоря, они и не отдалялись от нее – мародёрство на фронте стоит довольно близко к основному занятию нашей социальной группы.

Среди блатарей-«воjak» были и награжденные орденами. Блатные – инвалиды войны нашли себе новый и очень большой доход – нищенство в пригородных поездах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.